

И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

БОРЬБА НОВГОРОДА И КАРЕЛ ПРОТИВ ШВЕДСКОЙ ЭКСПАНСИИ В XII в.

В середине XII в. началась шведская экспансия в страны к востоку от Балтики, длившаяся в течение многих столетий. Шведское феодальное государство ставило своей первой целью завоевание Финляндии с тем, чтобы овладеть землями финских племен и обратить население страны в феодальную зависимость. Одновременно шведы совершают нападение и дальше на восток — на русское Приладожье (1164 г.).

Против шведской экспансии сразу же выступила наиболее могущественная сила восточной Балтики — Новгородское государство. Борьба Новгородского государства против наступления шведов в XII в. занимает выдающееся место в истории Карелии и карельского народа, так как эту борьбу со стороны Новгорода в значительной мере вели не русские военные силы, а военные отряды новгородских подданных — карел. Походы карел против шведов в XII в. — это первое выступление карельского народа на арену европейской истории. С первых шагов своей политической истории карелы выступают рука об руку с русским народом против иноземной агрессии.

Для изучения интересующих нас событий мы можем пользоваться русскими летописями, а также шведскими и финляндскими памятниками и данными папских булл. Но все эти источники дают лишь отрывочные и случайные сведения и требуют весьма осторожного отношения к ним. Современные событиям сведения мы находим лишь в русской летописи и папских буллах; остальные источники составлены значительно позднее. Поэтому приходится тщательно изучать каждый источник, изучать происхождение каждого известия, прежде чем решать вопрос о его достоверности.

Ученые уже давно старались расширить круг источников и путем глубокого источниковедческого анализа привлечь новые материалы о военных событиях XII в. Русская историческая наука и связанные с ней передовые финляндские ученые в первой половине XIX в. добились немалых успехов на этом пути.

Начало изучения борьбы Новгорода и карел в XII в. со Швецией было положено почти полтора столетия назад выдающимся русским ученым

академиком А. Х. Лербергом. В своем исследовании о еми, заложившем основы изучения истории Финляндии,¹ Лерберг впервые наметил правильное решение нескольких сложных вопросов истории русско-шведской борьбы в Финляндии и Карелии в XII—XIV вв.; им, в частности, впервые высказано мнение, что крупнейшее военно-политическое предприятие XII в., Сигтунский поход, было совершено карелами; им же было впервые дано исследование русско-карельского похода на шведов в 1198 г. и отмечено значение этого события в истории шведской Финляндии.

Вслед за Лербергом события XII в. изучал прогрессивный финляндский буржуазный ученый Г. Рейн, работавший в период подъема финляндского буржуазно-национального движения первой половины XIX в. Рейн поддержал точку зрения Лерберга относительно Сигтунского похода и похода 1198 г. Крупным достижением финляндской исторической науки периода буржуазно-национального подъема было исследование Рейна о походе 1178 г. Путем тщательного источниковедческого анализа Рейн доказал, что большой военный поход против шведов в 1178 г., ошибочно приписанный источниками курунам, был в действительности совершен карелами.² Выводы Лерберга и Рейна прочно вошли в историческую литературу и до последнего времени сохранялись во всех сочинениях по истории Финляндии и Карелии.

Накануне второй мировой войны финляндские фашиствующие историки во главе с Яккола, поставившие историческую науку на службу финской империалистической буржуазии и занявшиеся идеологической подготовкой захватнического нападения на СССР, стали стремиться любыми средствами уменьшить число фактов, говорящих об исторической дружбе карел с Россией и о вражде карел со шведами. Для этого Яккола занялся ревизией наследства прогрессивных русских и финских историков первой половины XIX в., стараясь доказать, что крупнейшие в XII в. походы 1178 и 1187 гг. принадлежат не карелам. Поход 1178 г. Яккола отнес к куресарцам (так будто бы назывались жители эстонского острова Саарема),³ а знаменитый Сигтунский поход 1187 г. (самый крупный военный поход карел в древности) он приписал ижорцам.⁴ Таким образом, пересматривая в антирусском и антисоветском плане прошлое Карелии, Яккола стремился отнять у карельского народа наиболее славные события его начальной истории.

Советские ученые должны вести непримиримую борьбу с антинаучными построениями финляндских буржуазных историков. Наш долг — показать несостоятельность построений Яккола и отстоять от грязных покушений финляндской фашиствующей «науки» крупнейшие события начальной истории карельского народа.

Советская историческая наука строится на принципиально иных основах, чем строилась старая русская и финская дворянско-буржуазная историография. Советские историки ведут свою работу на базе марксистско-ленинского учения о развитии общества, на базе исторического

¹ А. Х. Лерберг. Исследования, служащие к объяснению истории древней России, статья: «О жилищах еми» (название не охватывает всего содержания статьи). СПб., 1819.

² G. Rein. *Periculum historicum de Curonibus saeculis XII et XIII Fenniam infestantibus*. Helsingforsiae, 1829.

³ J. Jaakkola. *Suomen varhaiskeskiaika*. Porvoo — Helsinki, 1938, ss. 165—166.

⁴ Там же, s. 152.

материализма. Но советские историки, в отличие от финляндской фашиствующей «науки», ценят наследство передовых русских и финских ученых прошлого века — собранные ими богатые материалы по истории Финляндии и Карелии. В частности, советские историки ценят работы Лерберга и Рейна, в которых установлены важные факты ранней истории карел.

Писавшие 140—120 лет назад Лерберг и Рейн сделали свои выводы на основе узкого источниковедческого анализа. В настоящей статье, используя данные Лерберга и Рейна, мы попытаемся путем привлечения значительно большего круга источников глубже осветить борьбу Новгородского государства против шведской экспансии в XII в. и показать, что эта борьба, совершаемая в значительной мере силами карел, явилась достойным началом политической истории карельского народа и заложила основы многовековой дружбы карел с русским народом.

I

Главные факты борьбы Новгородского государства со Швецией в XII в. не раз упоминались в последние годы в нашей исторической литературе, но лишь в порядке перечисления. Между тем русско-шведские столкновения XII в. нельзя расценивать как случайные набеги с целью грабежа; эти боевые действия имели вполне конкретные политические задачи. Борьба Новгородского государства со Швецией в XII в. развернулась на территории Финляндии. Новгородские походы ставили своей целью не допустить закрепления шведских феодалов на финляндской земле.

Чтобы правильно понять причины и ход борьбы Новгородского государства со Швецией в XII в., необходимо учитывать характер отношений между Новгородом и племенами Финляндии и соседней Карелии.

На территории Финляндии жили два финских племени, из слияния которых впоследствии образовался финский народ, — сумь и емь (*suomi* и *hämne*). Небольшое и слабое племя сумь занимало узкую береговую полосу в юго-западном углу Финляндии; сильное и многочисленное племя емь (основное ядро, из которого сформировался финский народ) занимало в то время центральную часть Финляндии, район больших финляндских озер. На Карельском перешейке и далее к востоку и северо-востоку жило родственное финнам племя карел.

Еще в начале прошлого века русскими учеными Лербергом и Гиппингом было установлено, что основное финское племя емь (по-шведски — тавасты) в XI—XII вв., до шведского завоевания (до 1249 г.), находилось в политической зависимости от Новгорода.¹

¹ А. Х. Лерберг, ук. соч., стр. 95; А. И. Гиппинг. Нева и Ниеншанц, I. СПб., 1909 (впервые опубликована в 1836 г.), стр. 52—57. Материалы по этому вопросу вновь собраны и обобщены в нашей статье «Емь и Новгород в XI—XIII вв.» (Учен. зап. ЛГУ, серия историч. наук, в. 10, Л., 1941, стр. 93). Финская буржуазная историческая наука, исходя из основного тезиса финского буржуазного национализма о якобы исконной враждебности финнов к русскому народу, не признает существования древних политических связей племени емь с Русью XI—XIII вв. Свидетельства источников о древних связях финнов и Руси финские буржуазные авторы замалчивают или, вопреки фактам, считают недостоверными. Поскольку зависимость основного финского племени емь от Новгорода и наличие важных интересов Новгородского государства в Финляндии были существенными факторами в жизни страны, политическая история Финляндии (и история русско-шведской борьбы) XII—XIII вв. дается в финской историографии в извращенном виде.

Новгородская политика в землях подчиненных племен в XI—XIII вв. по своим формам отличалась от колониальной политики западноевропейских феодальных государств. Так, например, шведы при покорении страны проводили оккупацию захваченной территории своими вооруженными силами и колонизацию ее переселенцами из Швеции, строили города и замки, требовали от покоренных племен поголовного крещения в католическую веру, уничтожали старый племенной строй и вводили в стране шведскую администрацию и шведскую юстицию, подготавливая переход к феодальному строю. Новгородцы, напротив, не устраивали в землях подчиненных племен своих поселков и крепостей, сохраняли там старый племенной уклад жизни и ограничивались только сбором дани.

В этих условиях весьма важную роль приобретало отношение подчиненного племени к Новгороду. При отсутствии новгородских крепостей и новгородских войск в подчиненной области власть новгородцев могла опираться только на какие-либо силы внутри зависимого племени. Как можно заключить по ряду косвенных данных,¹ новгородцы поддерживали внутри племени господство племенной знати (племенных вождей и старейшин) и, опираясь на нее, держали в подчинении все племя.

Поскольку подчинение той или иной территории Новгороду не влекло за собой коренной ломки внутренних отношений, новгородцам не нужно было производить большие завоевательные походы на манер крестовых походов немцев и шведов. Подчинение новых территорий проводилось не путем завоевания, а путем принуждения (при помощи небольших отрядов) племени к уплате дани.

Особые формы политики Новгородского феодального государства в подчиненных землях облегчали широкое распространение новгородского владычества по всему северу Восточной Европы. Благодаря тому, что новгородцы в XI—XIII вв. в Прибалтике и в большинстве областей севера (кроме Подвинья) не вводили свои войска и не расселяли колонистов, Новгороду удалось при сравнительно небольших людских ресурсах новгородской земли подчинить своей власти колоссальную территорию от Волги до Ледовитого океана и от Балтики до Урала.

В центральной Финляндии, как и в других прибалтийских землях, новгородцы не устраивали своих поселков и крепостей, не вмешивались во внутреннюю жизнь местного населения, ограничиваясь лишь сбором дани. Но все же это была настоящая политическая зависимость, дававшая определенные выгоды Новгородскому государству и поддерживавшаяся вооруженной рукой. Власть над центральными финскими областями, над землей эми обеспечивала за Новгородом доминирующее положение во всей Финляндии (малочисленное финское племя сумь не было подвластно Новгороду, но ввиду своей слабости не играло в политической жизни Финляндии существенной роли).

Новгород, крупнейший торговый город северной Руси, как можно полагать, вел торговлю с племенами Финляндии, покупая у них наиболее ценный товар того времени — меха. Но гораздо большее значение имел великий водный торговый путь, проходивший частично у берегов Финляндии. Как нами установлено в другом месте,² судя по совокупности данных нескольких источников, основной путь торговых кораблей из Новгорода через Неву в Балтийское море шел сначала вдоль южного

¹ Эти данные приведены в нашей статье «Емь и Новгород», цит. выше.

² В диссертации «Борьба Новгорода со Швецией XII—XIII вв». Биб-ка ЛГУ, рукопись).

берега Финского залива до таллинской бухты, а от таллинской бухты поворачивал почти прямо на север, через Финский залив, до финляндского берега у мыса Порккала (Порккалаудд) и шел вдоль юго-западного побережья Финляндии, мимо Аландских островов, а затем — через Балтийское море к шведскому берегу (и далее — в шведские города Бирку и Сигтуну или вдоль шведского берега на юг — к Дании).¹ В XII в. этим путем широко пользовались новгородские торговые корабли, производившие торговлю русскими товарами в заморских портах. Новгород был безусловно заинтересован в безопасности торгового пути, заинтересован в том, чтобы берега Финского залива (и, в частности, берега Финляндии) не оказались в руках враждебных держав.

Взаимоотношения новгородцев с карелами, как теперь установлено, отличались от отношений с емью и другими отдаленными от Новгорода племенами. Политические связи карел и Новгорода ясно прослеживаются уже с первых упоминаний карел в письменных источниках; наличие этих связей вынуждена была признать и финская буржуазная историческая наука. Но антирусская тенденция финской буржуазной науки нашла свое выражение в оценке характера политических связей карел и Новгорода. По мнению финских ученых, начиная с Коскинена,² карелы не были подвластны Новгородскому государству и выступали как союзники новгородцев; Новгород и карелы до конца XIII в., по мнению этих ученых, являлись двумя равноправными сторонами в военно-политическом союзе, и лишь в конце XIII в. установилась политическая зависимость карел от Новгородского государства.

Явно тенденциозная точка зрения финских националистующих историков не признавалась русскими учеными и была окончательно опровергнута советским исследователем С. С. Гадзяцким.³ Гадзяцкий установил, что основная часть Карелии (северо-западное Приладожье и Карельский перешеек) была не волостью Новгорода (не новгородской колонией), а входила в состав собственной территории Новгородского государства. Это обстоятельство объясняет высокую степень политической активности карел. И в ходе политической борьбы внутри Новгорода, и в ходе борьбы с внешними врагами карелы участвовали не как данники, а как составная часть Новгородского государства. Карелы были полностью втянуты в сферу новгородских государственных интересов. Карельские отряды, ходившие нередко в самостоятельные походы против шведов, осуществляли не только узкие политические интересы карельской племенной верхушки, но и политические интересы всей Новгородской державы.⁴

¹ Этот маршрут устанавливается по данным датского документа XIII в., где описывается морской путь из Дании в Ревель, а также по данным арабского географа Идриси (1140-е годы), былины о Соловье Будимировиче и по расположению археологических памятников на берегах Финского залива.

² G. Z. Yrjö — Koskinen. *Finnische Geschichte*. Leipzig, 1874, s. 10 (ср. ss. 15—16); M. G. Schybergson. *Finlands historia*. Helsingfors, 1888, I, s. 39; K. Lindqvist. *Suomen historia*. Helsinki, 1926, ss. 50—51; E. Juvelius. *Suomen kansan aikakirja*. I. Helsinki, 1932, ss. 277—278; J. Karttunen. *Suomen karjalan historia*. „Karjalan kirja“, 1932, s. 205; A. M. Tallgren. *Suomen karjalan rautakausi*. „Karjalan kirja“ s. 18 и др.

³ С. Гадзяцкий. Карелы и Карелия в Новгородское время. Петрозаводск, 1941, стр. 38—39.

⁴ Разумеется, в чем заключались политические интересы карельской племенной знати XII в., мы точно определить не можем, здесь можно только строить предположения. Но активная борьба карел за осуществление внешнеполитических задач Новгородского государства, по нашему мнению, свидетельствует, что интересы Новгорода и карельской племенной знати во внешней политике совпадали.

Правда, в состав собственной территории Новгородского государства входила в XII в., повидимому, только одна часть Карелии — северо-западное Приладжье. Северная (Беломорская) Карелия в состав собственной территории Новгородского государства не входила. Обонежье, имевшее в XII в. в основном вепское население, входило тоже в состав собственной территории Новгородского государства, но политически не было связано с основными карельскими землями и не участвовало в борьбе с иноземной агрессией. Основную роль играла первая из названных областей. Именно здесь, на Карельском перешейке и северных берегах Ладоги, происходил процесс формирования карельского племени с его этническими особенностями, языком и материальной культурой. Отсюда в XII и XIII вв. (и позднее) карелы расселялись на север и северо-восток, заселили северную часть Обонежья и Беломорье.

В своем экономическом развитии Карельский перешеек (его наиболее населенная восточная часть) намного опередил другие карельские территории. Тогда как в Обонежье и Беломорской Карелии основными занятиями населения были охота и рыболовство и лишь в южной и средней части Обонежья развивалось земледелие, на Карельском перешейке в XII—XIV вв. земледелие было уже основным занятием, имелось развитое скотоводство, большое развитие достигли различные ремесла (особенно производство художественных изделий из металла); велась оживленная торговля с Новгородом. Развитие земледелия и скотоводства, отделение ремесла от сельского хозяйства, развитие торговли ускоряют процесс разложения первобытно-общинного строя. На основной территории Карелии, в северо-западном Приладжье и на Карельском перешейке, в XII—XIII вв. подходит к концу процесс разложения первобытно-общинного строя, начинается формирование классового (феодального) общества. Естественно, что именно на Карельском перешейке, на нижнем течении Вуоксы, в районе города Корелы (ныне Приозерск) находился с XII в. и политический центр Карелии. Высокий уровень развития экономики и социальных отношений основной части Карелии обусловили большую политическую активность жившей здесь части карельского племени.

Карелы Карельского перешейка и северо-западного Приладжья принимали большое участие в политической жизни Новгорода и в политической борьбе на Балтике.

Борьба Новгородского государства против шведского наступления в Финляндии совершалась (как мы дальше увидим) в значительной мере при посредстве карельских отрядов, направлявшихся с Карельского перешейка. Существовавший до XVI в. прямой водный путь из Ладожского озера по р. Вуоксе (впадавшей в то время одним руслом — в Ладогу, другим руслом — в Финский залив у того места, где теперь стоит Выборг) облегчал движение карельских судов из Приладжья к морю.

Такова была политическая обстановка в Финляндии и Карелии к началу шведской экспансии.

II

Шведская экспансия на восток началась в 50-е годы XII в. Первым объектом шведского завоевания явилось юго-западное побережье Финляндии — территория племени сумь. Согласно исторической традиции, основывающейся на данных поздних источников, сюда был совершен

первый шведский «крестовый поход», предводительствуемый королем Эриком «Святым». В шведской буржуазной науке с конца XIX в. идет почти непрерывная дискуссия по вопросу о том, происходил ли этот поход в действительности или он сочинен позднее составителями жития св. Эрика. Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, отметим лишь, что по совокупным данным источников можно считать установленным только самый факт завоевания шведами в 50—60-е годы части территории юго-западной Финляндии. Захват произошел в результате одного или нескольких походов; местное население было покорено и насильственно крещено. На захваченной земле было построено несколько укрепленных пунктов (главный из них — в местечке Ноуси, к северо-западу от нынешнего г. Або); опираясь на эти укрепления, в течение 60—70-х годов шведы постепенно подчинили себе все племя сумь. На этом первый период шведского завоевания Финляндии закончился.

Одним из эпизодов первой волны шведской экспансии в середине XII в. был известный нам из летописи шведский поход 1164 г. на город Ладогу — первая попытка захвата русских земель на пути из Новгорода в Финский залив.

Единственным источником, современным началу шведского завоевания Финляндии, является булла папы Александра III 1171 г.¹ Булла 1171 г. представляет исключительный интерес для нашего исследования, ибо в ней имеется первое указание на то, как реагировало Новгородское государство на появление в юго-западной Финляндии шведов.²

В этом послании, адресованном главе шведской церкви, архиепископу Упсальскому, подчиненным ему епископам и Гутторму Ярлу,³ папа Александр III пишет:

«Весьма трудная и тягостная жалоба поступила к апостолическому престолу⁴ о том, что финны⁵ всегда, когда им угрожают вражеские войска, обещают соблюдать христианскую веру и охотно просят проповедников и наставников христианского закона, но когда войска уходят, отказываются от веры, презирают и жестоко преследуют проповедников. ...».⁶

В данном тексте речь явно идет о племени сумь, или собственно финнах. В XII—XIII вв. термин «финны» (phinni) употреблялся только

¹ Булла написана в Тускулуме (в окрестностях Рима) и имеет дату «9 сентября» без указания года. Обычно на основании ряда косвенных данных ее относили к 1171 г., но недавно Яккола сделал попытку доказать, что булла написана на год позже — в 1172 г. Поскольку разница на один год для нас не существенна, мы будем придерживаться общепринятой датировки.

² Русским историкам этот документ до сих пор не был известен.

³ Гутторм, занимаая должность ярла, повидимому, в это время стоял во главе управления шведским государством и, в частности, — во главе военных сил Швеции.

⁴ Из этих слов следует, что папское послание написано в ответ на письмо, полученное папским престолом из Швеции. Поскольку свое послание папа адресует архиепископу Упсальскому и Гутторму Ярлу, очевидно, что они и были авторами письма, полученного папой из Швеции. Приводимый нами далее текст буллы с описанием событий в Финляндии является пересказом текста письма архиепископа Упсальского и Гутторма Ярла; вслед за этим текстом идет изложение конкретных мер, которые папа предлагает принять шведским властям для того, чтобы принудить «вероломных» финнов к покорности.

⁵ «Phinni» — это первое в источниках упоминание термина «финны» (если не считать упоминания племени fenni у римского писателя Тацита; какое племя подразумевал Тацит — неизвестно, но скорее всего это были не предки современных финнов, а одно из племен южной Прибалтики).

⁶ *Finlands medeltidsurkunder*, I, Helsingfors, 1910, № 24.

для обозначения племени сумь (собственно финнов) и совершенно не употреблялся как общее обозначение финских племен Финляндии.

В приведенном тексте буллы ясно говорится, что на подчиненную шведами часть Финляндии совершали нападения (судя по тексту буллы — не один раз) какие-то «вражеские войска».

Чьи это были войска?

Шведы в данном случае подразумеваться не могли. Если бы в булле подразумевались крестоносные войска, то их папа в письме, адресованном в Швецию, назвал бы, конечно, «христианские» или «Ваши», а не «вражеские». Совершенно невозможно предположить, чтобы папа назвал католические войска «врагами».

Эсты¹ и емь² также, повидимому, исключаются. Нападения «вражеских» войск носили, как можно заключить из текста буллы, не грабительский, а политический характер, стремились вывести собственно финнов из-под влияния шведов (подробнее об этом см. ниже). Судя по тексту буллы, вражеские нападения происходили не один раз. Следовательно, была какая-то серьезная причина, привлекавшая этих врагов, заставлявшая их нападать на юго-западную Финляндию. Как мы сейчас отметили, это была, судя по тексту буллы, причина, повидимому, политического порядка. Заметим также, что вряд ли здесь играли роль экономические соображения (т. е. вряд ли главной целью нападений был грабеж). Для грабительских набегов слабые, только что созданные и с трудом державшиеся шведские колонии в земле племени сумь не представляли никакого интереса — слишком мала здесь могла быть добыча. Для эстов было гораздо выгоднее грабить значительно более богатые берега самой Швеции.³ То же, вероятно, можно сказать и про емь.

Нападения политического характера ни эсты, ни емь совершать, по нашему мнению, не могли. Эсты северной Эстонии и острова Саарема находились в то время на стадии разложения родового строя и еще не могли иметь политических интересов за морем, не могли стремиться к подчинению заморских территорий. Поэтому появление новой политической силы — шведов в юго-западной Финляндии не могло затронуть политические интересы и стремления северных эстов. Подобные же соображения можно высказать и по поводу еми. Хотя емь не была отделена от юго-западной Финляндии морским заливом, земля еми отделялась от поселений суми широкой полосой трудно проходимых лесов, и сообщение между обоими племенами совершалось преимущественно круглым путем, через море.

Поскольку, таким образом, описанные папой нападения не могли совершить ни шведы, ни эсты, ни емь, их могли совершить только карелы и новгородцы. При этом, как станет ясно из дальнейшего хода событий, нам нет нужды вдумываться, были ли это карелы или новгородцы; карелы и новгородцы в XII в. выступали всегда совместно,

¹ Как думал Шерна (Stjerna. *Paivebrevet om st. Eriks korstag*. Historisk tidskrift, 1-99, s. 238), не отрицающий, впрочем, равную вероятность предположения, что здесь подразумевались русские.

² Как думал Лейнберг (Leinberg. *Finska klostrens historia*. Helsingfors, 1899, s. 2).

³ Kjellberg. *Genmäle*. Historisk tidskrift, 1899, s. 5.

карелы фактически осуществляли в XII в. внешнюю политику Новгородского государства.¹

Итак, булла 1171 г. дает нам первые, еще не вполне точные, но все же более или менее определенные сведения о том, что Новгородское государство очень скоро после появления шведов на земле племени сумь начало борьбу против шведов, стремясь вытеснить их из захваченной ими еще небольшой части Финляндии. Так началась русско-шведская борьба в Финляндии, затянувшаяся на 650 лет (с середины XII до начала XIX в.).

Что побудило новгородскую государственность предпринять ответные действия сразу же, после первых шагов шведских завоевателей на финской земле? Ведь захваченные шведами участки финской территории (участки земли племени сумь) никогда не были под властью или влиянием Новгорода, и новгородская данническая область в земле еми, вероятно, находилась довольно далеко от первых шведских поселений в Финляндии, так что никакого прямого ущерба Новгородское государство еще не несло. Тем не менее, реакция на происшедшие события со стороны Новгорода вполне объяснима.

Хотя первые шаги шведской экспансии привели к захвату лишь довольно ограниченной части земли суми, само появление и первоначальное закрепление шведов в юго-западном углу Финляндии изменяло сложившуюся обстановку в стране, изменяло также обстановку в восточной части Балтийского моря и было чревато большими последствиями для Новгородского государства, для его интересов. Если до середины XII в. Новгород, подчинивший карел и значительную часть еми, занимал в Финляндии доминирующее положение и не имел политических конкурентов, теперь в стране появилась новая сила, начавшая подчинять юго-западных финнов и готовящаяся стать в Финляндии соперником Новгорода. Появление в стране новой силы должно было осложнить отношения Новгорода с подвластными финскими племенами, в частности с емью; для еми с этого момента облегчалась возможность выхода из зависимости. Уже одно это обстоятельство должно было заставить новгородскую государственность немедленно начать борьбу против первых же шагов шведских завоевателей на финляндской территории. Но было и второе, вероятно, не менее важное обстоятельство. Захватывая юго-западную часть Финляндии, шведы закреплялись как раз на основном торговом пути, связывающем Новгород с Западной Европой (как мы уже указывали, при выходе из Финского залива обычный путь морских кораблей проходил в то время вдоль юго-западного побережья Финляндии от Порккала до Аланда и далее к западному берегу Балтийского моря). Таким образом, важнейший жизненный нерв новгородской торговли оказывался под ударом шведов. Это тоже заставляло и новгородцев, и заинтересованных в новгородской торговле карел стремиться вытеснить шведов с финляндской территории.

¹ Можно выдвинуть два соображения, позволяющие думать, что в этих нападениях участвовали не только карелы (как, скажем, в набеге 1178 г.), но и новгородцы. Во-первых, безусловно связан с упоминаемыми папой нападениями шведский поход 1164 г. на город Ладогу. Этот поход произошел, скорее всего, до русско-карельских нападений на землю суми; повидимому, нападения на землю суми были ответом на шведский поход 1164 г. Во-вторых, и к карелам можно отнести то же, что нами выше сказано об эстах и тавастах: если б в нападениях на шведов и сумь участвовали только одни карелы, эти нападения носили бы характер опустошительного набега, но не характер военно-политического предприятия (о последнем подробнее см. ниже).

На основании текста буллы можно сделать попытку выяснить, как (какими способами) новгородская государственность боролась против шведского завоевания юго-западной Финляндии.

Булла относится к тому времени, когда шведы подчинили себе лишь часть племени суми, а основная масса еще оставалась свободной; в приведенном тексте говорится, что финны обращаются к шведам лишь при приближении «вражеских войск», следовательно, в остальное время финны не были под властью шведов. И больше того, основная масса суми была в тот момент враждебна шведам: ведь финны соглашались на принятие христианства лишь на время опасности, а когда опасность нападения миновала, изгоняли шведских священников и монахов. Учитывая эти обстоятельства, попытаемся глубже проникнуть в смысл рассматриваемых событий. Обращает на себя внимание указание буллы, что «вражеские войска» угрожали финнам (племени сумь) и это заставляло финнов обращаться к шведам за помощью, тогда как, если отвлечься от данного текста, надо было бы полагать, что свой удар русские и карелы должны были направлять на шведов, на их первые поселения и укрепления. Без сомнения, на первые шведские укрепления и поселки во время упоминаемых буллой русско-карельских нападений был направлен основной удар нападающих (об этом косвенно свидетельствует сам факт обращения шведских властей за помощью к папскому престолу), но в булле говорится, что «вражеские войска» угрожали (кроме шведов) финнам. Обращение финнов в этот момент за помощью к шведам, согласие финнов принять христианство позволяют думать, что для племени сумь действительно возникала какая-то серьезная опасность, опасность не грабительского набега, а какой-то акции политического порядка.

В то время принятие католического христианства было формой политического подчинения. Вряд ли из-за угрозы грабительского набега племя сумь могло пойти на такой серьезный шаг, как подчинение шведам, как утрата племенной самостоятельности (хотя бы и на время). В случае угрозы грабительского набега достаточно было бы просить военной помощи шведов; ведь грабители после набега уйдут во-свояси и набег будет иметь только экономические последствия. Очевидно племенные верхи суми знали, что нападающие войска идут не для грабежа, а ставят целью какое-то изменение политического положения племени сумь; если племя сумь при приближении «вражеских войск» шло на утрату племенной самостоятельности и подчинение шведам, значит, в противном случае его ожидало подчинение нападающим войскам. Иными словами, можно полагать, что новгородцы стремились во время этих походов подчинить своему влиянию финнов-сумь, чтобы вырвать их из-под влияния шведов. А финны-сумь при приближении новгородских войск соглашались на подчинение шведам и принятие христианства, намереваясь сбросить и подчинение шведам, и христианство, когда новгородские войска удалятся обратно.

Позиция племени сумь в значительной мере определила ход дальнейшей борьбы. Как мы уже указывали выше, подчинение новых территорий новгородцами производилось обычно путем принуждения племени к зависимости и путем установления союза с местной племенной знатью. Повидимому, и в ходе разбираемых нами событий новгородцы рассчитывали добиться подчинения племени сумь и установить союз с племенной знатью суми; только таким образом новгородцы могли прочно

взять под свое влияние юго-западную Финляндию и добиться полного изгнания шведов с финляндской земли.

Племя сумь, судя по данным папской буллы, заняло позицию, враждебную Новгороду. В результате русско-карельские отряды в 60-е годы XII в. смогли нанести лишь временный ущерб шведам, но не смогли помешать первоначальному закреплению шведских рыцарей в юго-западной Финляндии. Племя сумь было к концу 70-х годов XII в. покорено шведами, использовавшими свое превосходство в военной организации и в вооружении.

III

Следующее известное нам событие борьбы Новгородского государства со Швецией относится к концу 70-х годов XII в. Сведения о нем содержатся в «фрагменте Пальмшёльда» и в «Хронике епископов Финляндских» Юстена. Ценность обеих хроник состоит в том, что они являются единственными источниками, написанными в самой Финляндии.¹

«Фрагмент Пальмшёльда» о втором епископе² Финляндии Родульфе (Рудольфе) сообщает:

«Родульф.

Вестгот,³ был взят в плен Куронами и там⁴ ими убит в лето господне».⁵

Приведенный текст явно дефектен, не закончен: говорится «в лето господне», но дата отсутствует. Очевидно, в ветхой рукописи, которой пользовался автор «фрагмента», цифры настолько стерлись, что их уже нельзя было прочесть. Этот пробел восполняет хроника Юстена.

¹ Оба источника восходят к одному протографу, к не дошедшему до нас источнику типа анналов, в котором освещалась деятельность финляндских епископов XII—XVI вв.; источник прошел несколько редакций и в своем первоначальном виде был современен (или почти современен) описываемым событиям. «Фрагмент Пальмшёльда» является предпоследней, а хроника Юстена — последней редакцией этого источника. Хроника Юстена составлена в середине XVI в., «фрагмент Пальмшёльда» — видимо, в конце XV в. Юстен в своей хронике иначе строит фразы, излагает те же факты другими словами, но нередко и добавляет отдельные детали, отсутствующие в «фрагменте Пальмшёльда». Эти различия (при полном совпадении в построении текста и в основных фактах) позволяют думать, что автор «фрагмента» и Юстен имели перед собой разные редакции епископской хроники; при этом уже давно отмечалось, что автор «фрагмента» списывал, по видимому, свой текст с ветхой, дефектной рукописи, в которой уже не все можно было разобрать (см. комментарий издателя в «Scriptores rerum Suecicarum», III, 2, p. 132).

² Напомним, что рассматриваемый источник (и «фрагмент Пальмшёльда», и хроника Юстена) — епископская хроника, сообщающая основные факты о жизни и деятельности финляндских епископов и лишь попутно о некоторых событиях жизни страны. Каждому епископу посвящены одна или несколько (для первых двух столетий) фраз, текст о каждом епископе выделен в отдельный абзац.

Родульф (Рудольф) был скорее даже не вторым, а первым епископом Финляндии, ибо считающийся первым епископ Генрих, участник первого «крестового похода» короля Эрика «святого», официально этого звания еще не имел, продолжая быть епископом Упсальским.

³ Вестгот — уроженец Вестергётланда, западной части южной Швеции.

⁴ Там (ibi), т. е. в их стране.

⁵ Vestgotus a Caronibus captiatur et ibi ab eisdem occiditur Anno Domini (Scriptores rerum Suecicarum, III, 2, p. 132; Finlands medeltidsurkunder, I, № 25).

«Господин Рудольф, по рождению вестгот, плененный Куронами и увезенный ими, был умерщвлен в Куронии, в лето господне 1178». ¹

Дату, указываемую Юстеном, можно считать достоверной. В ранних редакциях хроники даты указывались, и если в экземпляре, которым пользовался автор «фрагмента», цифры стерлись, в другом экземпляре, которым пользовался Юстен, дата сохранилась.

В приведенном известии главную сложность представляет другой вопрос: о чем нападении здесь идет речь?

Прежде всего необходимо отметить, что нападение 1178 г. не было простым грабительским набегом. Епископ был в то время духовным и светским главой шведских владений в Финляндии. Его резиденция (в то время — Ноуси) была центром шведской колонии в стране, населенной или только что покоренными, или враждебными племенами; нам известно, что эта территория подвергалась в предшествовавшие годы неоднократным нападениям с русской стороны; следовательно, епископская резиденция должна была быть достаточно хорошо укреплена, и успешное нападение на нее должно было потребовать значительных сил. Нужно также учесть, что Ноуси расположено не на побережье, а в глубине страны, в 10 км от моря; поэтому нападавшие, пришедшие с моря, должны были привезти на кораблях достаточно сильный военный отряд для действий против шведов на суше.

Приведенные соображения показывают, что здесь речь идет не о случайном нападении морских пиратов, каковые в то время происходили, вероятно, весьма часто. Здесь речь идет о довольно сложном военном предприятии, требовавшем значительных сил, и морских, и сухопутных. Нападение имело, по всей видимости, не грабительские, а политические цели; об этом свидетельствует захват в плен главы шведских владений в Финляндии и увоз его нападающими. Набег, безусловно, явился сильным ударом по молодой шведской колонии.

Вполне естественно должен возникнуть вопрос: нужно ли было курунам совершать такое крупное военно-политическое предприятие. Могли ли они иметь серьезные причины, чтобы предпринимать подобное нападение. На этот вопрос можно ответить лишь отрицательно. Племя курунов жило в средней и южной части так называемого Курляндского полуострова (северное побережье полуострова было заселено ливами), и их территория примыкала к Балтийскому морю на западе полуострова, т. е. их выход к морю был довольно далек от юго-западной Финляндии. Никаких торговых связей у курунов с финнами (так как оба племени были расположены далеко друг от друга, стояли на одной стадии развития и вообще мало участвовали во внешней торговле) быть не могло. Тем более куруны не могли иметь в отдаленной Финляндии никаких политических интересов. Как известно из источников XIII в., куруны действительно занимались морским пиратством, и их морские нападения нередко носили политический характер, но лишь тогда, когда над их землями нависла угроза немецкого завоевания, когда потребовалось вести борьбу против немецких крестоносцев.

Нападение 1178 г. как большое военно-политическое предприятие будет вполне объяснимо, лишь если его рассматривать в плане новгородской внешней политики, как акт борьбы Новгородского государства

¹ Dominus Rudolphus, natione vestgotus, captivatus a Curonibus et ab eis deportatus, interficitur in Curonia, Anno Domini 1178 (M. Pauli Juusten. Chronicon episcoporum Finlandensium. Aboae, 1799, p. 11).

против шведской экспансии в Финляндии. Но тогда необъяснимо участие курунов. Никаких политических связей между курунами и Новгородом ни в то время, ни позднее не существовало.¹

Уже упоминавшийся нами прогрессивный финский буржуазный ученый первой половины XIX в. Габриэль Рейн свыше ста лет назад выдвинул другую трактовку указанного известия.² Рейн убедительно доказал, что в средневековой литературе имена карел и курунов нередко звучали почти одинаково и их очень легко было спутать.³ По мнению Рейна, нужно также учесть, что автор «фрагмента Пальмшёльда» пользовался рукописью, написанной за 200—300 лет до него, и мог не понять, о ком шла речь в старом тексте. Учитывая также, что куруны политически не были заинтересованы в подобном набеге, тогда как, напротив, если вместо курунов подразумевать карел, набег становится вполне понятен как акт внешней политики Новгородского государства, Рейн сделал вывод, что в хронике в данном случае⁴ подразумевались карелы (спутанные позднейшими переписчиками с курунами).

Трактовка Рейна стала вскоре общепринятой в финляндской буржуазной науке.⁵ Вслед за финляндскими учеными трактовку Рейна приняли и русские историки.⁶

Событие 1178 г. совершенно правильно рассматривается в нашей исторической литературе как нападение карел. Это был мощный удар,

¹ Куруны в начале XII в. (судя по введению к Повести временных лет, где среди даников Руси упоминается корсь — куруны) и в начале XIII в., в годы немецкого завоевания, имели политические связи с Русью, но не с Новгородом, а с Полоцком. Владения Полоцкого княжества в Прибалтике (все течение Западной Двины, земли ливов и латышей) отделяли Новгород от курунов.

² Rein, ук. соч.; ср. его же: *Föreläsningar öfver Finlands historia*. I. Helsingfors, 1870, ss. 98—99.

³ Куруны обозначались у средневековых авторов *Curonēs, Chorionēs, Charionēs, Coeri, Kyri, Cures; карелы — Cariali, Careli, Coreli, Kyrjali, Kirjali*, а также — *Kyrii, Kyri, Kuri* (Rein, *Periculum historicum de Curonibus*, p. 21).

⁴ И во втором месте текста хроники, где упоминаются куруны — в связи с бегством епископа Томаса из Финляндии в 40-е годы XIII в. В этом случае ошибка переписчика еще более очевидна; по словам хроники, епископ Томас через несколько лет после похода на Неву в 1240 г. бежал из Финляндии на Готланд «из страха перед русскими и курунами». Здесь «куруны» хроники прямо связываются с русскими, и подобный союз тем более невозможен, что в 40-е годы XIII в. куруны уже были под властью Ливонского ордена, между Куронией и Русью лежали широкие пространства немецкой Ливонии, а куруны больше не выступают как самостоятельная сила. С другой стороны, для 40—50-х годов XIII в. вассальные отношения карел к русским и их совместное участие в военно-политических предприятиях засвидетельствованы еще яснее другими источниками. Явная ошибка переписчика во втором случае подтверждает правильность трактовки Рейна для первого случая (для события 1178 г.).

⁵ Koskinen, ук. соч., s. 29; Schybergson, ук. соч., s. 34; E. Ahtia, *Piirteitä Aunuksen ja Vienan Karjalan historiasta*. «Karjalan kirja», I, Porvoo, 1910, s. 178; Lindqvist, ук. соч., s. 65, и др. Только в последнее время в работах финляндского буржуазного историка Хорнборга поход 1178 г. вместо карел вновь приписывается по-старому курунам (E. Hoinborg, *Finlands kröning*. *Kyrkohistorisk årsskrift*, Uppsala, 1930, s. 210), в работах еще более реакционного финляндского историка Якколы — курсеаарцам (так будто бы назывались в то время жители эстонского острова Саарема; см. Jaakkola, ук. соч., ss. 165—166). Хорнборга и Якколу не смущает явная неверность участия курунов или курсеаарцев в этом событии — они стремятся во что бы то ни стало уменьшить число данных о боевой деятельности карел на стороне Русского государства.

⁶ В последние годы в ряде наших научных и научно-популярных работ, касающихся Невской битвы, истории Карелии, военно-морской истории и т. п., упоминается событие 1178 г. как поход карел; но авторам этих работ не был знаком текст источника, и о событии они получили сведения из вторых рук, поверив на слово финским историкам.

нанесенный Новгородским государством силами новгородских подданных — карел по шведским владениям в Финляндии. В такой связи вполне понятен и политический характер похода, и его крупные размеры, требовавшие участия и морских, и сухопутных сил.

Поскольку нападавшими были карелы, становится понятным, почему был увезен ими епископ Рудольф. Нападавшие стремились таким путем обезглавить, лишиться руководства шведские владения в Финляндии.

Поход 1178 г. носил характер набега и, повидимому, ставил своей целью нанести возможно больший ущерб шведской колонии, чтобы задержать развитие шведской экспансии. Эта цель, по всей видимости, была достигнута.¹

IV

Наиболее крупным событием борьбы Новгородского государства со Швецией в XII в. был Сигтунский поход 1187 г. Детальному исследованию этого события мы уже посвятили отдельную статью,² поэтому в настоящей работе Сигтунский поход специально изучать мы не будем и лишь используем ранее полученные выводы.

Чтобы правильно понять значение этого события, нужно прежде всего указать, что представляла собой Сигтуна в XII в. Город Сигтуна в XI и XII вв. был политическим и хозяйственным центром Швеции, крупнейшим шведским портом, через который осуществлялась значительная часть внешней торговли страны. В наибольших размерах велась здесь торговля со странами восточной Балтики и прежде всего с Новгородом. Торговый путь из устья Невы к Сигтуне и соседним городам Швеции существовал с IX—X вв.

Нападающим на Сигтуну пришлось преодолеть большие трудности. Сигтуна расположена далеко в глубине озера Мелар, связанного узким проливом с Балтийским морем. Озеро Мелар сплошь покрыто островами типа финляндских шхер, с неширокими извилистыми проливами. По пути через озерные шхеры значительному флоту трудно пройти, оставшись незамеченным; на этом пути очень легко задержать врага и не допустить его к Сигтуне.

Сама Сигтуна была хорошо защищена и искусственными укреплениями, и самой природой. В 20 км к югу, на берегу озера Мелар, на пути от Сигтуны к выходу в море стоял мощный каменный замок Альмарстек, принадлежавший главе шведской церкви архиепископу Упсальскому; замок Альмарстек как бы охранял путь к Сигтуне. Таким образом, нападение на Сигтуну являлось весьма сложным военноморским предприятием. Взять хорошо укрепленный город, лежащий в глубине внутренних шведских вод, можно было лишь в результате быстрого, неожиданного и мощного удара. Для того чтобы прорваться сквозь шхеры озера Мелар к городу, нужно было иметь сильный флот; для взятия и разрушения столь крупного города нападающие должны были иметь значительное войско. Наконец, для того чтобы быстро и неожиданно пройти по извилистому шхерному фарватеру, нападающим нужно было на своих судах иметь людей, хорошо знавших фарватер, неоднократно совершавших ранее этот путь.

¹ Поскольку поход 1178 г. был совершен не новгородцами, а карелами, этот поход не мог ставить перед собой цель оккупации юго-западной Финляндии и подчинения сума: карелы, как подвластное Новгороду племя, не могли сами проводить подчинение Новгороду других племен.

² И. Шаскольский. Сигтунский поход 1187 г. Исторические записки, № 29, М., 1949, стр. 135—163.

Наиболее трудно было выяснить, кем был совершен Сигтунский поход. Путем разбора показаний источников нам удалось установить, что сведения всех поздних источников (XV—XVII вв.) недостоверны и что единственным достоверным источником является рифмованная «хроника Эрика», составленная в Швеции в 1320-х годах. В хронике Эрика совершенно ясно указано, что нападение 1187 г. на Сигтуну было произведено карелами.¹ Таким образом, самое крупное военно-политическое предприятие Новгородского государства на Балтийском море явилось подвигом новгородских подданных — карел. В походе, правда, могли участвовать в некотором числе и новгородцы; но вполне ясных указаний на участие новгородцев в источниках нет.

Сигтунский поход, как уже было показано, был не первым военно-морским предприятием карел; такие походы карелы во второй половине XII в. совершали неоднократно. Из текста хроники Эрика можно заключить, что и на берега Швеции карелы совершали поход в 1187 г. не в первый раз. Вся предшествующая бурная внешнеполитическая деятельность карел на Балтике подготовила карельские военные силы к совершению своего самого крупного военно-морского предприятия — Сигтунского похода.

Как можно полагать на основе приведенных в начале настоящей статьи данных о внутреннем положении Карелии, отправным пунктом похода была основная племенная территория карел — восточная часть Карельского перешейка, район будущего города Корела. Оттуда карельские суда прошли в Финский залив через старое русло Вуоксы (впадавшей в то время в залив в том месте, где теперь стоит Выборг). Через Финский залив и Балтийское море карельские суда прошли к берегу Швеции, быстро проникли через пролив в озеро Мелар и, взяв по дороге архиепископский замок Альмарстек, 12 августа 1187 г. неожиданно обрушились на Сигтуну. Застигнутый врасплох, город был взят штурмом и сожжен. В результате одного мощного удара важнейший город и политический центр Швеции XII в. был уничтожен и с тех пор уже не смог подняться из руин.

Совершенный новгородскими подданными, карелами, Сигтунский поход явился одним из крупнейших событий истории Северной Европы XII в. В ответ на шведскую экспансию военные силы Новгородского государства нанесли мощный удар в самое сердце вражеской страны.

V

В конце XII в. происходит обострение отношений Новгорода с двумя главными племенами западной периферии государства — с эстами и емью. Процесс общественного развития Эстонии к этому времени вплотную подвел страну к переходу на стадию классового общества.² Племенная знать восточных областей Эстонии, начавшая уже

¹ Там же, стр. 151—156.

Хроника Эрика — единственный древний источник, в котором указана национальность нападавших на Сигтуну. Все остальные источники относятся к значительно более позднему времени (написаны через 3—5 столетий после Сигтунского похода), их показания о национальности нападавших не основываются на более ранних источниках и потому недостоверны.

Мысль о наибольшей достоверности текста хроники Эрика была впервые высказана Лербергом. Но он не подкрепил ее анализом других источников.

² I. Šaskolski. Vene rahva ajaloolised sidemed Baltimaade rahvastega. Tallinn, 1946, ss. 15—16.

превращаться в класс феодалов, в конце XII в. стала, повидимому, тяготиться русской властью и вступила в конфликт с Новгородом. Походы новгородских князей в Эстонию (в 1190, 1191 и 1192 гг.) были вызваны стремлением вернуть под свою власть отпавшие области.¹ В менее сильной форме тот же процесс общественного развития, распада общинно-родовых отношений и складывания предпосылок классового общества должен был сказываться и в Финляндии. И в отношении Финляндии (точнее — земли еми, Тавастланда) остается в силе то же объяснение, которое мы даем походам новгородцев в Эстонию. Походы новгородцев в землю еми также вызывались отпадением отдельных областей страны из-под власти Новгорода и имели целью восстановление даннических отношений.

Многие исследователи ставили русские походы в землю еми 1186 и 1191 гг. в связь с закреплением шведов в юго-западной Финляндии. Эта мысль заслуживает серьезного внимания. Правда, мы не можем ее принять целиком; по нашему мнению, те авторы, которые объясняют русские походы в землю еми 1186 и 1191 гг. распространением шведского влияния на центральную Финляндию и переходом еми под влияние шведов,² сильно преувеличивают возможности небольшой шведской колонии в земле племени сумь. Шведская колония в Финляндии была еще слишком слаба, и шведские власти еще еле-еле справлялись с задачей удержания уже захваченной узкой прибрежной территории. Для распространения своего влияния на внутренние, центральные области, для подчинения и христианизации сильного и многочисленного племени емь шведы в то время сил и возможностей еще не имели.³ Но вместе с тем определенная связь между закреплением шведов в юго-западной Финляндии и обострением отношений еми с Новгородом, безусловно, была. Хотя шведского политического влияния на емь еще не могло быть, сам факт появления в Финляндии новой, враждебной Новгороду, политической силы должен был внести серьезные изменения в общую политическую обстановку в стране. С этого момента позиции Новгорода в Финляндии стали уже не так сильны, как раньше. Для подвластных Новгороду областей страны облегчалась возможность выхода из зависимости. Этой возможностью, видимо, и воспользовалась в некоторых областях племенная верхушка еми. Племенная знать еми, начавшая уже превращаться в класс феодалов, в отдельных местностях земли еми стала, видимо, тяготиться зависимостью от Новгорода и сделала попытку

¹ Там же, стр. 16—17.

² Гиппинг А. И., ук. соч., стр. 80 и др. Р. Б. Мюллер объясняет данные походы борьбой Новгорода со Швецией за емь, т. е. стоит на этой же точке зрения (комментарий к разделу «Летописные известия о карелах» в книге: «Материалы по истории Карелии XII—XVI вв.», Петрозаводск, 1941, стр. 65); на той же точке зрения стоит по сути дела и С. Гадзяцкий (ук. соч., стр. 90). Миккола, в соответствии с заимствованной им у Шёгрена теорией о двух племенах емь, считал, что поход 1186 г. был направлен против еми Заволочья. Поход он ставит в связь с развернувшейся в это время в Заволочье борьбой новгородцев с суздальскими князьями (J. J. Mikkola. *Novgorodernas krigståg till Finland intill år 1311. Historisk tidskrift för Finland*, 1927, s. 70). Оснований для этого мнения так же мало, как и для всей теории о пребывании еми в Заволочье. (См. Д. В. Бубрих. Не достаточно ли емских теорий? Изв. Карело-Финск. филиала АН СССР, 1950, № 1; И. П. Шаскольский. О емской теории Шёгрена и ее последователях, там же).

³ Еще Лерберг (ук. соч., стр. 108) указывал, что шведская колония была в то время еще слишком слаба и еще не была в состоянии подчинить землю еми. Лишь тогда, когда шведы прочно закрепились в юго-западной Финляндии (20-е годы XIII в.), они смогли начать проникновение в центральные области страны для подчинения еми.

выйти из зависимости и отказаться от уплаты дани (чтобы использовать дань в целях своего обогащения). Поскольку (как мы уже знаем) новгородцы не имели в земле еми ни своих постоянных гарнизонов, ни крепостей и поскольку власть Новгорода в центральной Финляндии опиралась на поддержку определенных сил внутри местного населения, новгородцы должны были немедленно принять меры для того, чтобы поддержать дружественные силы и принудить выступившую против Новгорода часть племенной знати к покорности. Походы 1186 и 1191 гг. имели своей задачей восстановление новгородского влияния в центральной Финляндии. Осложнение общей политической обстановки в Финляндии тем более требовало сохранения русского влияния в центральных районах страны.

Показательно, что и в этих военно-политических предприятиях вместе с новгородцами участвовали карелы; поход 1191 г. был проведен совместно — новгородцами и карелами.

На последние годы XII в. падает последнее выдающееся событие первого периода русско-шведской борьбы — русский поход против шведских владений в Финляндии, датируемый обычно 1198 г.

Сведения об этом событии содержатся только в финляндской епископской хронике обеих редакций, т. е. в хронике Юстена и в «фрагменте Пальмшёльда».

«Фрагмент Пальмшёльда» (более ранняя редакция хроники) о третьем епископе финляндском Фольквине сообщает, что от него «никаких дел не сохранилось вследствие первого опустошения, произведенного русскими».¹

Хроника Юстена сообщает несколько иначе: «около Лета Господня 1198, говорят, что русские пожаром опустошили Або. Это произошло в праздник Пятидесятницы».²

Оба свидетельства даны в весьма осторожной форме и не могут быть приняты на веру без тщательного изучения. Обе хроники (или обе редакции хроники) сообщают, по сути дела, только один факт, который им точно известен: что во время правления епископа Фолькина произошел опустошительный набег русских дружин на шведские владения в Финляндии. Юстен сообщает дополнительные факты, но дает понять, что он за их точность не может вполне поручиться (к известию добавлено слово «dicuntur» — «говорят»). Очевидно, что Юстен имел в своем распоряжении лишь устную или непрочную письменную традицию. Видимо, традиция сообщала, что в результате русского набега был впервые сожжен Або³ и что это событие произошло в 1198 г. Но оба факта нельзя считать бесспорными.

¹ Folquinus. Suecus huius acta nulla reperiuntur propter primam depellacionem (ошибка вместо: depopulacionem) per Ruthenus stictam (ошибка вместо: factam) obiit Anno Domini (Scriptores rerum Suecicarum, III, 2, p. 132).

² Clrciter Annum Domini 1198 dicuntur Rutheni incendio devastasse Abo. Id factum est feriis Penthecostes (Iusten, ук. соч., p. 12).

³ Со времени Портана (примечания к хронике Юстена) это известие считается первой датой существования города Або. В последнее время ряд финских исследователей оспаривает эту (ставшую традиционной) дату, считая, что в 1198 г. Або еще существовать не мог. Полагают, что здесь подразумевается не Або, а его предшественник, укрепленный торговый пункт Кориос (или Коройское Або), расположенный выше по течению реки Аура и носивший имя «Або» до того момента, когда город и порт был перенесен на место нынешнего Або.

Приводимое в конце известия у Юстена указание на день, когда произошел русский набег, могло быть более достоверно, чем указание на год. Можно было бы думать, что эта точная дата, донесенная до XVI в. традицией, как-то отмечалась в абоском соборе (или в более древней церкви св. Марии в Рентемяки вблизи Або). Но в тексте «фрагмента Пальмшёльда» второй русский набег на Або (произведенный в 1318 г.) также отнесен на день Пятидесятницы. Видимо, в день Пятидесятницы в абоском соборе или в церкви св. Марии совершалось ежегодно какое-то богослужение памяти шведов, павших при происшедшем некогда в этот день взятии Або русскими войсками, но посвящено ли это богослужение павшим при первом (1198 г.) или втором (1318 г.) набеге русских, церковная традиция XVI в. уже не помнила.

В этой связи можно объяснить и появление у Юстена упоминания об Або. Возможно, что Юстен, зная, что в абоском соборе традиция сохранила память о русском нападении, происшедшем в день Пятидесятницы, решил, что речь идет именно о набеге 1198 г., и поскольку традиция хранится в абоском соборе, а не в какой-либо другой церкви, значит, нападение было совершенно на Або.

Итак, единственное, что мы можем извлечь с уверенностью из хроник, — это то, что в конце XII в. было совершено нападение русских на район Або, на центр шведских владений в Финляндии, и что, согласно позднее наметившейся традиции, это событие относится к 1198 г. Поскольку Юстен упоминает точную дату — 1198 г., надо думать, что он ее не выдумал, а заимствовал из какого-то письменного источника (возможно, из имевшейся у него более ранней редакции епископской хроники, не совпадавшей с протографом «фрагмента Пальмшёльда»). В какой мере этот источник был достоверен, мы судить не можем; но, во всяком случае, он был старше XVI века.

Судя по данным обоих источников, поход 1198 г. был произведен русскими (новгородскими) дружинами. Но весьма возможно, что в состав войска, совершавшего поход на шведскую колонию, входили и отряды карел, обычно участвовавшие в конце XII в. в походах вооруженных сил Новгородского государства в Финляндию и Швецию.¹

Из хроник можно заключить, что нападение русских имело весьма крупные масштабы и привело к столь тяжелым для шведов последствиям, что память о событии сохранялась в районе Або в течение нескольких столетий. О масштабах нападения говорит и факт, отмеченный «фрагментом Пальмшёльда», — гибель всех бумаг времени правления епископа Фольквина, т. е., вероятно, гибель накопившегося за полвека существования шведских владений в Финляндии архива епископской кафедры. Возможно, что во время этого набег был убит и сам епископ Фольквин,² духовный и светский глава шведской колонии.

Исследователи, касавшиеся этих событий, единодушны, в оценке похода 1198 г. и его результатов. По мнению Лерберга, «немногие из

¹ Как мы уже видели, из четырех известных нам походов вооруженных сил Новгородского государства в Финляндию и Швецию в предшествующие 20 лет два похода (1178 и 1187 гг.) были совершены карелами, третий (1191 г.) — при участии карел.

² Так, по крайней мере, довольно убедительно предполагает Коскинен (ук. соч., стр. 29). После этого события никаких сведений о Фольквине мы не имеем. Из папской буллы 1209 г. явствует, что к тому времени в Финляндии уже в течение нескольких лет нет епископа.

поселенцев в юго-западной Финляндии спаслись от бури, поднявшейся на них; они погибли или рассеялись, а заведения их истреблены».¹

Нападение новгородцев было обычным военным набегом. Новгородские отряды (возможно — вместе с карелами) прибыли, очевидно, по морю и, высадившись в районе нынешнего Або, в центре шведских владений, прошли огнем и мечом по шведским поселкам в узкой береговой полосе земли суми. Шведской колонии в Финляндии был нанесен такой сокрушительный удар, от которого она не могла оправиться в течение двадцати лет. В эти годы, по мнению Коскинена, «христианство (т. е. шведская колония, — И. Ш.) в Финляндии, казалось, было близко к угасанию».²

Лишь прекращение в начале XIII в. русских походов спасло шведскую колонию от полного уничтожения. Новых ударов колония, вероятно, перенести бы не смогла.

После похода 1198 г. в русско-шведской борьбе наступает временный перерыв на два десятилетия. Походом 1198 г. заканчивается первый период борьбы Новгородского государства со Швецией. В 20-е годы XIII в. начинается новая волна шведской экспансии на берегах Финского залива и новый, второй период борьбы Швеции и Новгорода. Но эти события уже выходят за рамки настоящей работы.

Русско-шведская борьба в XII в. имела большое значение для исторических судеб Финляндии. В ходе этой борьбы решался вопрос: удастся ли шведам прочно закрепиться на финляндской земле или же новгородско-карельским военным силам удастся уничтожить шведскую колонию и спасти Финляндию от шведского завоевания и порабощения.

В ходе военных действий русским и карельским дружинам удалось добиться ряда выдающихся военных успехов, но они все же не смогли достичь конечной цели — вытеснения шведов из юго-западной Финляндии. Шведам удалось удержаться на юго-западном побережье; впоследствии эта территория была использована ими как плацдарм для завоевания всей Финляндии.

Почему Новгородское государство в борьбе со шведами в Финляндии не смогло добиться окончательной победы?

Наиболее важной причиной, помешавшей Новгороду направить все внимание на борьбу со шведами и добиться полной победы, была внутренняя обстановка на Руси. Феодалная раздробленность Руси, непрерывные княжеские междоусобицы, в которых принимал большое участие и Новгород, социально-политическая борьба в самом Новгороде отвлекали внимание правящих кругов Новгородской земли от вопросов внешней политики.

Кроме того, одновременно с борьбой против шведов новгородцы должны были поддерживать свою власть на огромном пространстве от Балтики до Уральских гор. В последние десятилетия XII в. почти ежегодно новгородцы для удержания в зависимости подчиненных племен должны были совершать походы то в Эстонию, то в центральную Финляндию, то в Заволочье или в предгорья северного Урала. Новгородцы

¹ Лерберг, ук. соч., стр. 110. Ср.: G Rein. Biskop Thomas och Finland i hans tid. Helsingfors, 1849, ss. 12, 43. По мнению современного финляндского буржуазного историка Хорнборга, в период около 1200 г. и в последующие годы «в материковой части Финляндии произошел более или менее полный упадок христианства» (E. Hornborg, ук. соч., стр. 210). Под словами «упадок христианства» Хорнборг подразумевает упадок шведской колонии.

² Koskinen, ук. соч., стр. 32.

не могли сконцентрировать все внимание и все силы на юго-западной Финляндии, ибо им приходилось одновременно решать различные военно-политические задачи во многих местах огромной подвластной им территории. Шведское феодальное рыцарство, напротив, занималось в то время подчинением только одной небольшой по размерам территории — юго-западной Финляндии; поэтому шведское рыцарство могло сконцентрировать на этой территории все свои свободные силы.

Еще одной причиной, помешавшей новгородцам добиться решительной победы, было несовершенство новгородской военной организации, не приспособленной к целям длительной оккупации занятых территорий. Новгородцам приходилось иметь дело с противником, который ввел постоянные гарнизоны в наиболее важные пункты юго-западной Финляндии и начал заселение побережья колонистами из метрополии, стремясь прочно закрепиться на захваченной земле.

В этой обстановке, для того чтобы добиться окончательного изгнания шведов из юго-западной Финляндии, следовало бы занять эту территорию новгородскими войсками и установить постоянную оккупацию, дабы иметь возможность и в будущем препятствовать попыткам шведов вновь высадиться в Финляндии. Но новгородцы в XII в. не имели постоянного войска.¹ Собиравшиеся на период похода новгородские военные силы могли нанести удар шведам, но по окончании похода не могли оставаться в Финляндии и должны были возвращаться домой. Поэтому новгородско-карельские походы XII в. в юго-западную Финляндию не ставили и не могли ставить своей целью завоевание и длительное удержание указанной территории.

В связи с уже отмеченными выше особенностями новгородской политики новгородцы могли обосноваться в юго-западной Финляндии только одним путем — подчинив своему влиянию племя сумь; как мы уже знаем, именно этим путем новгородцы подчинили огромные территории на север и запад от Новгорода. Но племя сумь уже в 60-е годы XII в. заняло враждебную позицию по отношению к Новгороду и затем было прочно покорено шведами, подвергнуто шведской католической пропаганде и настроено шведами против Руси. Не имея возможности подчинить своему влиянию юго-западную Финляндию, Новгородское государство стремится путем военных походов затормозить развитие шведской экспансии и нанести возможно больший ущерб шведской колонии. Новгородско-карельские походы в конце XII в. поставили шведскую колонию на край гибели, и только прекращение

¹ Как известно, постоянного войска у Новгорода не было; постоянно несла военную службу лишь небольшая (из нескольких сот воинов) княжеская дружина, стоявшая в самом Новгороде и использовавшаяся для борьбы с внешними и внутренними врагами в ближайших к Новгороду землях. Для далеких походов, в частности и для походов в Финляндию, на время похода набиралось ополчение из крестьян и горожан, на несколько месяцев бросавших свои основные занятия, или же использовались набравшиеся также лишь на время похода отряды новгородских «молодцов» — ушуйников. Карельские военные отряды, участвовавшие в походах в Финляндию в XII в., тоже, конечно, набирались лишь на время военных действий.

Все сказанное, правда, не означает, что организация военных сил в Новгородском государстве была более несовершенной, чем в Швеции. В Швеции тоже не было сколько-нибудь значительного постоянного войска. Но поскольку шведская экспансия в то время ограничивалась небольшой территорией юго-западной Финляндии, шведские феодалы все же могли на этой территории держать постоянные гарнизоны, кормившиеся за счет поборов с местного населения. Новгородские феодалы, державшие в подчинении несравнимо большие территории, в XII—XIII вв. не имели возможности оставлять где-либо постоянные гарнизоны; до XIV в. не было новгородских гарнизонов даже в таком важнейшем стратегическом пункте, как берега Невы.

русского натиска в начале XIII в. дало возможность шведам удержаться на финляндской земле.

Прекращение активных действий с русской стороны после победоносного похода 1198 г. было вызвано обстоятельствами, которые отблекли внимание новгородцев от финляндских дел. Во-первых, в начале XIII в. произошло значительное обострение международной обстановки на берегах Финского залива в связи с началом немецкого завоевания Восточной Прибалтики. Продвижение немцев в Эстонию, давнюю сферу влияния Новгорода, лежавшую у самых границ новгородской земли, вынудило новгородцев направить основное внимание на борьбу против немецкой агрессии в Эстонии. Во-вторых, в первые годы XIII в. произошло обострение борьбы новгородцев с суздальскими князьями, отвлекшее внимание новгородских властей от вопросов внешней политики.

Тем не менее, хотя новгородско-карельские отряды в XII в. в конечном итоге не смогли помешать закреплению шведов в юго-западной Финляндии, рассмотренные нами события являются одной из важнейших страниц внешнеполитической истории Новгородского государства. Проведенное нами изучение новгородских военных походов XII в. заставляет отказаться от традиционных представлений о Новгородском государстве как о слабом государственном образовании, с трудом отбивавшем нападения врагов на свои границы. Исследованные нами события свидетельствуют, что несмотря на ряд неблагоприятных факторов Новгородское государство уже в XII в. вело активную внешнюю политику и энергично отстаивало свои государственные интересы в далекой Финляндии, у ворот Балтики.

Военные события XII в. занимают весьма почетное место в истории Карелии и карельского народа. Карельские военные отряды совместно с русскими дружинами в течение нескольких десятилетий вели упорную борьбу против шведской экспансии. Сейчас, конечно, трудно сказать, в какой мере карелы и новгородцы сознавали общее значение происходившей борьбы, но объективно действия карельских и новгородских отрядов должны были защитить финские племена от шведского завоевания и порабощения.

Свое первое выступление на арену европейской истории карельский народ ознаменовал победоносными военными походами, покрывшими славой карельских воинов. И для нас особенно важно, что с первых же шагов своей политической истории карелы выступают вместе с русскими людьми, как часть Русского государства.

В ходе борьбы против шведской агрессии XII в. были заложены основы исторической дружбы русского и карельского народов, нерушимой существующей до наших дней.